

Журнал Пионер

№12 за 1980 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №12 за 1980 год / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44491-0

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44491-0

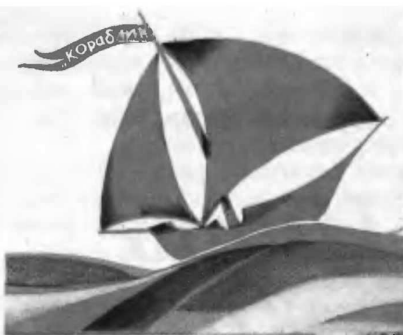
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Наташа КАШКИНА живет в Воронеже, учится в шестом классе школы № 71. Вместе со всеми ребятами ждет она, когда придет веселый новогодний праздник. Наташа думает, что это будет так:

Новый* год

Бьют часы двенадцать,
На дворе темно.
Слышишь, кто-то тихо
Постучал в окно?
Скрипнула калитка...
Это Новый год!
Он с собою сказку
За руку ведет!
В сказке той прекрасной
Тысячи чудес:
Царь Кощей ужасный
И волшебный лес.
Новый год на елке
Лампочки зажжет
И тебя тихонько
В сказку уведет.

✱

Лина ВОЛОВИЧ сочиняет стихи со второго класса. «День рождения у меня в январе, и поэтому я больше всего люблю сочинять стихи о зиме», — написала нам Лина. Учится она в седьмом классе, живет в Крыму, в селе Садовое.

Первый* снег

На поляну снег ложится —
И поляна серебрится.
Как пуховые подушки,
Снег ложится на опушки.
Кружева висят на клене,
Ель покрыта кисеей.
Снег искрится на иголках,
Снег кружится надо мной.

«Вы знаете, что самое красивое можно увидеть зимой в нашем городе Мончегорске? — спрашивает в своем письме шестиклассник Валера ЕФИМОВ. — Это северное сияние. Я о нем даже стихотворение сочинил».

Северное сияние

Посмотри:
Полярное сияние
В переливах разноцветно-сказочных.
Посмотри:
Сиреневое переливается в красное...
Все небо красным стало...
А сейчас?
Зеленый переливается в сиреневый...
Словно какой-то неизвестный волшебник
Написал на темном фоне
Эту удивительную картину,
Необычайно красивую.
Посмотри —
И ты никогда не забудешь,
Как красиво полярное сияние.

✱

Стихотворение о лыжном походе сочинила Лена МЕДНИКОВА, первоклассница из Москвы.

Поход

В поход пошли на лыжах мы,
Катались мы до темной ночи.
А лыжи взяли напрокат.
И отдохнули славно очень.

✱

«В теплом городе Тбилиси северного сияния, конечно, не увидишь. Там и снег-то бывает редко! Зато для ребят это настоящий праздник. Вот как написал об этом Дима НОВАК, ученик шестого класса школы № 128 города Тбилиси.

* * *

Весь Тбилиси снегом замело,
Даже небо снегом занесло.
Даже провода — белые,
Будто их из ваты сделал.

Юрий КРУТОГОРОВ

Нить ее жизни

Фотографии П. АСАУЛЬЧЕНКО.

Глава, в которой говорится
о самом любимом предмете
Героя Социалистического Труда,
лауреата Государственной премии СССР,
депутата Верховного Совета РСФСР
ткачихи Валентины Николаевны ПЛЕТНЕВОЙ

По поручению журнала «Пионер» к Валентине Николаевне пришли с цветами костромские юнкоры Сережа Белов, Ваня Шаронов и Вера Медведева.

— Здравствуйте. Мы узнали, что за одну пятилетку вы выполнили тринадцать годовых заданий. Поздравляем!

— Спасибо. Да вы располагаетесь, располагаетесь.

— Валентина Николаевна, можно узнать, сколько ж за это время вы сделали льняной ткани?

— Шестьсот пятнадцать тысяч метров.

— Одна?

— Так я ж на двенадцати станках работала!

— Трудно?

— Да как сказать... Нелегко, конечно. Ну, а вам легко ли на пятерки учиться?

— Если по любимому предмету, тогда поднажмешь.

— То-то и оно. Кстати говоря, у меня в жизни нет нелюбимых предметов. Попеть люблю. «Барыню» сплясать. Вот сад у меня на участке — только б им и занималась. И все ж самый любимый предмет — ткачество. Это правда, без хвастовства говорю. Привыкла, люблю. Глядишь, как ткань идет, — просто удовольствие испытываешь...

— И никогда не хотелось перейти на другую работу?

— Не уважаю «летунов». По-моему, так: выбрал дело — служи ему. До конца служи. Так я думаю...

— А как вы стали ткачихой? Кто научил?

— Долгий это разговор.

— А мы не спешим.

— Вот дотошные вы какие. Да куда от вас денешься...

И начала рассказывать...

Глава, в которой рассказывается,
как лен били, колотили,
во все чины производили,
а потом на престол посадили

Мама рано умерла. От отца остались две фронтовые открытки да похоронка. Растила Валю бабушка Екатерина Митрофановна. Она научила девочку корову доить, траву

Секундами измеряет ткачиха Плетнева
каждое свое движение.

косить, платье шить. Военное время проглотило детство, и Валя помнит себя всегда во взрослых заботах. Правда, бывало, что и запрямится: устала очень, а надо на поле идти, лен жать. Бабушка сердилась:

— Трудно ей! А другому легко? Ему, другому-то, тоже трудно.

Что за руки были у бабушки! Ни одной минуты покоя не знали. Не умели отдыхать.

Вот лен собирает. Вот колотит. Вот расчесывает его, как пышную девичью косу. Первый разбор льна — лен-сланец. Второй разбор — моченец. И вот уже волокно мягкое, тонкое: лен-плаун.

Работает бабушка, приговаривает, еще от своей бабки слышала эти слова:

— Били меня, колотили, во все чины производили, на престол посадили.

Вот как уважают лен костромские крестьяне...

Окончила Валя семь классов, Екатерина Митрофановна внучку собирает в город:

— Езжай, подружка, учись на ткачиху.

Приехала Валя в Кострому.

— Как до льнокомбината добраться?

— По улице Советской поедешь, потом по проспекту Текстильщиков. Аккурат и будет тебе комбинат.

Знала ли она тогда, что этот маршрут станет в ее жизни единственным и самым главным, путеводной ее нитью?

День тот был осенний, пасмурный, небо висело над городом влажной, небеленой льняной простыней. И на душе было не очень весело: как-то оно все сложится?

Пришло время, девочек, поступивших в ФЗУ при льнокомбинате, повели в ткацкий цех. Помещение огромное, шум такой, словно перед самым носом грохочет порожний товарняк.

Только Валя и услышала, как первая ее учительница, ткачиха Анна Федоровна Пучкова, крикнула:

— Присма-атривайтесь...

Валя присматривается. Цеху нет конца и края. Станки интересные — так и ходят в них лопасти, так и ходят. Не станки — живые пряхи. Только куда пряхе с таким станком тягаться? Он точно запряг себе в подмогу тысячу ве-

дотопная, сердечная. Про ткацкие станки говорила как о существах живых.

— Это шестьдесят пятый? С норовом. По-капризничать, чертяна, любит. Но заправь его хорошо, смажь, на челночке всякую шероховатость сними наждачной бумагой — всю душу отдаст. Честное слово! Семьдесят шестой? Трудяга, каних поискать. Ненасытный, только подавай ему пряжу. Семьдесят третий — тот с хитрецей. Не любит, чтобы на нитях основы были узелки или утолщения. Всякий станок не любит, но этот особенно...

И Валя, правда, начинала относиться к станкам, словно к существам, которые понимают и слышат ее.

Так Анна Федоровна передавала девочкам свой опыт. Мастерство ее, словно по сообщаемым сосудам, как живая влага, переливалось от одного человека к другому. Через глаза, уши, сердце. И скоро Валентина стала работать на четырех, а потом и на шести станках. Управилась! Шесть станков — это, как говорят ткачихи, типовая норма. Но Плетнева не успокоилась. Еще, говорит, дайте. Шутка ли? С шестью бы справиться, а ей неимется. Ведь дело-то не простое. В один заправь шпули с уточной ниткой, с другого сними тепленький рулон материи, на третьем челнок застопорился. То носился, как угорелый, и вдруг — на тебе: встал.

Особенно обрывы нитей донимают. Просто напасть какая-то. С барабана на вал тянется тысяча нитей основы. Какая-нибудь ниточка, что послабее, возьмет и порвется. Ниточка эта протянута через ламельку, как через ушко иг-

ретен. Все нити из веретен повдоль тянутся, а одна за белкой-челноком поперек них носится. Глазом не уследишь, как эти нити переплетаются чудным образом.

Валя потом рассказывала, каким ей цех тогда показался, а Анна Федоровна смеялась:

— У нас это по-другому называется. Нити повдоль — основа. Нить поперечная, что за челноком бежит, — уток. Переплетает же их, плотно прибавляет друг к дружке механизм по имени бердо. Да усвоишь еще, времени впереди много.

— А сколько учиться? — спрашивает Валя.

— Всю жизнь...

**Глава, в которой рассказывается,
как Валентина Плетнева
училась быть мастерницей,
и про то, почему солище ходит по небу
одной дорожкой**

И Валя начала учиться. Анна Федоровна Пучкова чем-то бабушку напоминала: такая же обстоятельная,

*Валентина Николаевна
показывает свой цех школьницам.
Может, кто-то из них найдет здесь
и свою дорожку в жизни?..*

лы. Обрыв — ламелька соскакивает вниз, станок отключается.

И всюду поспеть надо. Руки так и мелькают. Ноги на месте не стоят. Туда-сюда. Точно с челноком наперегонки. Трудно.

А Анна Федоровна подбадривает:

— Ох, нелегкая у нас, ткачих, дорожка. Так ведь и солнце все одним путем по небу ходит. А не устает. Почему? Потому что светит. Вот и мы людям светить должны, иначе какая жизнь...

Пришло время — начала Валентина Плетнева работать на двенадцати станках.

**Глава, в которой секретарь
партийной организации ткацкого производства
ткачиха Екатерина Григорьевна Шахунова
рассказывает о своей подруге**

Пришла к нам в цех молоденькая девушка. Сразу после школы. Валя Дедушева. Еще за партой услышала она о Плетневой. И в сочинении написала: «Хочу быть не просто ткачихой, а такой, как Плетнева».

Наша Валентина к тому времени стала уже Героем Социалистического Труда. Вот две Валентины встретились. Старшая стала учить младшую. Это в характере Плетневой: что умеет сама — дать другому. Разве не этому учила ее Анна Федоровна? Теперь Дедушева сама мастерица каких поискать. Не так давно привела в цех младшую свою сестренку: «Пусть Валентина Николаевна ее тоже обучит...» Вот так.

Наша Валечка — депутат Верховного Совета РСФСР, член комиссии по делам молодежи. И, выступая там, добивалась важного решения: каждому пареньку и девушке, что пришли на производство со школьной парты, непременно прикреплять умного и знающего наставника. И ее услышали повсюду.

Мы любим нашу Валентину. Скольким людям она помогла как депутат! Ветерану войны помогла получить квартиру. Настояла, чтобы в Костроме построили новую больницу. Добилась, чтобы город чище убирали.

А о том, как работает, лучше всего говорит письмо, которое прислал ей Леонид Ильич Брежнев: «Дорогая Валентина Николаевна! Сердечно поздравляю Вас с замечательным достижением — выполнением к годовщине со дня открытия XXV съезда КПСС трех личных годовых заданий...»

Это было несколько лет назад. Сегодня Валя Плетнева выполнила тринадцать годовых норм! Мы безмерно ею гордимся.

**Глава, в которой рассказывается,
как ткачиха Плетнева
превратила свой станок в «машину времени»
и оказалась почти в 1990 году**

Волшебный клубок, разматываясь и разматываясь, приводит сказочного героя куда тому пожелается.

Тридцать три года идет за своей льняной нитью, путеводной нитью своей жизни, Валентина Николаевна Плетнева, и та привела ее в будущее. Ее станки превратились в «машину времени».

Трудно вообразить, как за пятилетку сделать тринадцать годовых норм. Тут есть что-то от волшебства, точно Плетнева имеет дело не с льняной, а с той, сказочной, нитью.

Нет, все обыкновенно. Никаких чудес.

Рабочая смена Плетневой самая обычная. Восемь часов. Только в том-то и суть, как смотреть на эти часы. Плетнева рассматривает их как бы с помощью особого микроскопа, когда зримо видятся так часто ускользающие от нас мельчайшие частицы времени — секунды. Вот в чем тайна ее успеха.

Секундами измеряет ткачиха Плетнева каждое свое движение.

Есть даже карта, которая показывает, как и по какому маршруту Валентина Николаевна обходит все свои станки. Между прочим, в комбинатском профтехучилище эту карту изучают так, как школьники изучают карту географическую.

Ни одного лишнего шага. Ни одного неэкономного жеста.

Порвалась нить основы. Ее надо связать, пропустить через ламельку. На эту операцию по норме отпущено 28 секунд. Плетнева справляется за 18 секунд. Видите, десять секунд «в уме». Зарядить в станок шпули с уточной нитью надо за шесть секунд. А Валентина Плетнева втрое быстрее это делает.

И так на каждой операции, а их множество. Вот какая удивительная сноровка. Она не с часами — с секундомером соревнуется!

Секунды, секунды... Вот мелочь-то, скажет иной. А вот и не мелочь, когда имеешь дело с двенадцатью станками. И экономисты тоже сказали — не мелочь! Сэкономленные секундочки дают Плетневой за одну смену... три с половиной часа высвобожденного времени. Почти полсмены.

И так каждый день. А за пятилетку вон сколько набежало! «Машину времени» доставила ткачиху Плетневу почти в 1990 год.

**Глава, в которой костромские юнкоры
задают Валентине Николаевне еще один вопрос**

Скажите, если бы вы начали с самого начала и вам было бы, как после войны, пятнадцать лет — какой путь избрали?

— А тот же самый. Дорожка, верно, нелегкая. Но нет мне ее дороже. Улица Советская, проспект Текстильщиков. Я так, ребята, думаю: на каком месте человек бы ни был, он всегда должен хоть чуть-чуть светить людям. Улыбкой. Работой. Душой.

Ну вот, вроде все сказала. Отдохну маленько. Завтра к шести утра на смену выходить...

Новогодние встречи

Самый-самый любимый праздник—Новый год. И хотя ты стал большой, не веришь в сказки и в душе подсмеиваешься над младшей сестренкой, которая, замерев, ждет Деда Мороза, все-таки—признайся честно—веришь в удивительную встречу, необыкновенный подарок, необычное происшествие, ожидающее тебя именно под Новый год.

Все чудеса «Пионеру», конечно, не под силу. Но вот некоторые... Скажем, удивительные встречи! Разве не мечтал ты иногда о таком: «Иду я себе по улице, а навстречу... Олег Попов. Тут-то я расхрабрюсь и спрошу его...» Ну, что ж, под Новый год все возможно. В этом номере тебя ожидают удивительные встречи с популярными и любимыми артистами, писателями, спортсменами. Можно задать любой вопрос. Но условие — только один. Итак...

И причем совершенно серьезно...

«Мой друг говорит, что легче всего в цирке клоунам... Вышел на арену, улал пару раз, перекувыркнулся, и все смеются. Но мне что-то не верится. Однажды по телевизору показывали Олега Попова, как он пришел после представления к себе в комнату... Он был таким усталым, что даже не сразу стал разгримировываться».

Гена Зайцев, г. Кишинев.

ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ ПОПОВ, народный артист СССР:

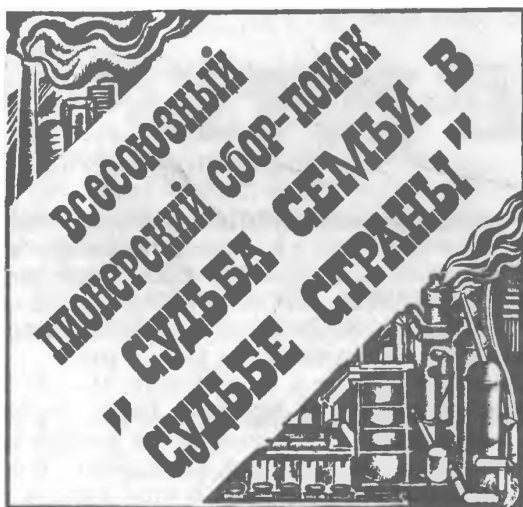
Совершенно с твоим другом не согласен. Клоун должен быть одновременно и жонглером, и фокусником, и акробатом... И уметь все это делать лучше тех, кого он изображает. Как ты думаешь, легко это? Не зря же клоуны готовятся и репетируют всегда больше других артистов цирка.

Чарли Чаплин кажется на экране смешным и неуклюжим, а на самом деле за этим стоит огромное мастерство. Смешить людей совсем непросто. Порой над одной маленькой шуткой думаешь несколько месяцев, и причем совершенно серьезно.

Ваш Олег Попов

Рисунки А. БОРИСОВА.

Владимир РАЗУМНЕВИЧ,
лауреат Всесоюзного конкурса
на лучшее художественное произведение
для детей

Звёздочки на карте

РАССКАЗЫ-БЫЛИ
ПРО ТО, КАКИЕ ПЯТИЛЕТКИ БЫЛИ

Вместо предисловия

Наташа становится вожатой октябрат

Наташа пришла из школы домой веселая.
— Я, папа, теперь вожатая у октябрат!
Глаза у Наташи хитрые. Видно, задумала что-то. Всегда у нее какие-то тайны.

— Знаешь ли ты, папа, — таинственно спрашивает Наташа, — куда уходят годы?

Я пожал плечами.

— Не знаешь. А вот Митя Востриков знает.

— Он кто — профессор, твой Митя?

— Он в первом «Б» учится. Митя сказал: все наши годы уходят в пятилетки.

— Умный он, — говорю я дочке, — Митя Востриков.

И тут Наташа рассказала мне, что она задумала провести с ребятами карнавал. Но не такой, как в других школах, а совсем особенный. Карнавал пятилеток.

Ребята! Только что вы прочитали рассказы ваших товарищей, которые раньше всех откликнулись на призыв «Пионера», первыми пришли на наш Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны» — он проходит на страницах журнала.

— Я тоже хочу участвовать в этом пионерском сборе, — позвонил нам писатель Владимир Лукьянович РАЗУМНЕВИЧ. И принес свою новую повесть «Звёздочки на карте».

Мы обрадовались: мы и взрослых приглашаем на сбор — писателей, рабочих, людей всех профессий — родителей, учителей и старших друзей наших читателей, всех друзей журнала «Пионер».

Член редколлегии «Пионера», лауреат Государственной премии РСФСР, писательница Мария Павловна Прилежаева тоже участвует в нашем сборе-поиске. Вот что она сказала о повести Владимира Лукьяновича РАЗУМНЕВИЧА, обращаясь к вам, наши читатели:

— Владимир Лукьянович РАЗУМНЕВИЧ ведет с вами, ребята, разговор о том, что непременно должны знать все дети нашей страны, — о героических традициях советских людей. Смысл и суть пятилеток, их значение для развития нашего социалистического общества писатель раскрывает на конкретных примерах нашей советской истории, в которой принимали участие ваши бабушки и дедушки, ваши отцы и матери.

Через отдельные человеческие судьбы писатель показывает значительные события трудовой биографии Советского государства. И с первых же страниц пробуждает в нас, как и в героях своей повести, желание отправиться на поиск новых исторических материалов о нынешней и прошлых пятилетках, узнавать еще и еще, «какие пятилетки были и какие люди в них жили».

Эта повесть писателя — патриотическая игра, с помощью которой вы, ребята, откроете для себя немало интересного и поучительного, научитесь по-настоящему дорожить достижениями нашего народа, загоритесь стремлением жить с пользой для общества.

Я желаю успеха всем участникам Всесоюзного пионерского сбора-поиска «Судьба семьи в судьбе страны» — и пионерам и взрослым.

Сколько знаю Наташу, никогда от задуманного она не отступится.

И вот мы вместе с ней отправляемся на новогодний карнавал к октябрятам.

Посредине комнаты стоит елка. Разноцветные лампочки прячутся в зелени веток и весело перемигиваются в такт музыке.

Космонавт-первоклассник кружится в танце с маленькой поварихой в белом колпачке. Мальчик в кителе железнодорожника танцует с девочкой в кожаной куртке и красной косынке, а юркий курносый метростровец в желтой каске с буквой «М» подпрыгивает рядом с медсестрой в военной форме. И кажется, будто ее сумка с красным крестом больше, чем она сама.

Но вот оттеснили всех два юных моряка. Вихрем влетели в комнату и затопали ногами так, что лампочки на елке вздрогнули. Дорогу легендарному «Яблочку»!

Потом октябренок в шлеме танкиста читал стихотворение про День Победы. И все мамы и папы вместе с октябрятами пели песню комсомольцев-добровольцев, у которых беспокойные сердца...

Наташа тихонько, чтобы не мешать празднику, спросила меня:

— Папа, как думаешь, лампочки на елке волшебные? — И сама себе ответила: — Они, папа, волшебные. Ты увидишь сейчас, они переберутся на карту.

Тут и вправду случилось чудо. Неожиданно свет в зале погас, лампочки на елке, как нам показалось, исчезли. И засверкали ярким пламенем на карте. На географической карте, которая висела на стене, а мы ее раньше не заметили. Мы на елку смотрели.

Наташа храбро вышла вперед и рассказала октябрятам, как вскоре после гражданской войны в Москве состоялся VIII Всероссийский съезд Советов. На этом съезде Владимир Ильич Ленин говорил о будущем Советской России. Он сказал, что без электрификации не выберется нашей стране из отсталости, не стать могучей державой. На стене тогда тоже висела огромная карта. Стоило к ней прикоснуться указкой, и вмиг вспыхивал огонек. Как звездочка на небе. Ленин называл города и реки, где в скором времени будут построены электростанции, и алые звездочки загорались на карте.

— И на нашей карте сейчас горят лампочки, — сказала Наташа. — Там, где уже построены электростанции. И вы все видите, как их много, и всем ясно, что мечта Ленина сбылась. Она сбылась потому, что хорошо работали во всех пятилетках наши бабушки и дедушки, папы и мамы. И старшие всех других девочек и мальчиков нашей страны. И вот я предлагаю, — голос Наташин дрогнул, и я почувствовал, как она волнуется. — Я предлагаю: давайте спросим наших бабушек и дедушек, пап и мам, как они участвовали в пятилетках. И в честь каждого из них зажжем лампочку на карте.

— Папа! Ты в каком году родился? — спросила Наташа.

— В тысяча девятьсот двадцать восьмом, — ответил я.

— Ты, папа, ровесник первой пятилетки, — глубокомысленно заметила Наташа. — Помнишь, какая она была?

Какая она была?..

— Жили мы в фабричном общежитии. Папа работал плотником на ткацкой фабрике, мама — ткачихой.

Чуть свет нас всех будил протяжный фабричный гудок. Мама торопливо повязывала красную косынку, папа нахлобучивал до самых бровей рабочую кепку с черным слюдяным козырьком. И они уходили на фабрику. Меня брали с собой, чтобы по дороге оставить в детском саду. На обратном пути, после работы, они заходили за мной, и мы вместе возвращались домой.

В карманах брезентовой папиной тужурки я всякий раз находил сладкий леденец. В папиных карманах всегда застревали опилки, и леденцы вкусно пахли сосной.

А мама однажды принесла мне в подарок матросскую бескозырку и рубаху с большим откидным воротником — матроску. На бескозырке сыночку, папа нахлобучивал до самых бровей рабочую кепку с черным слюдяным козырьком. И они уходили на фабрику. Меня брали с собой, чтобы по дороге оставить в детском саду. На обратном пути, после работы, они заходили за мной, и мы вместе возвращались домой.

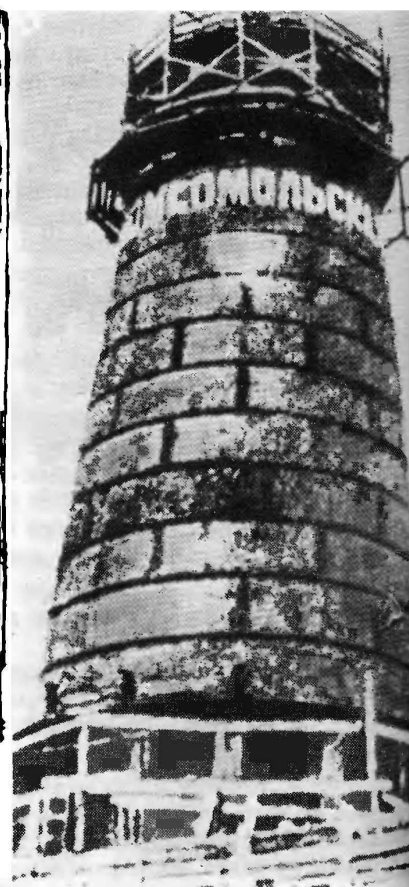
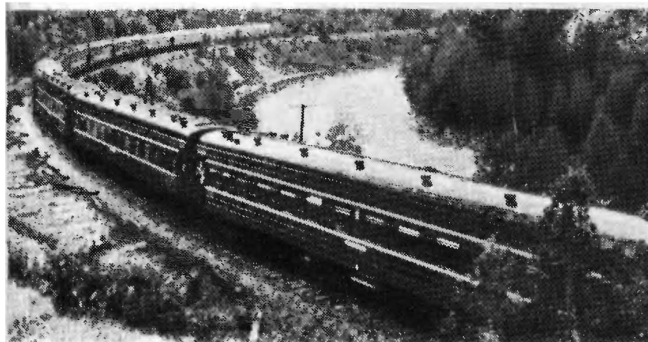
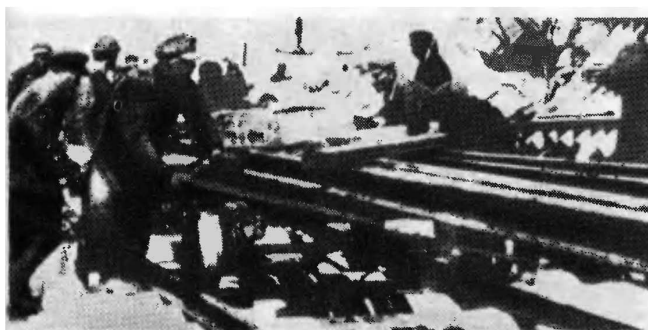
Отец часто произносил неизвестные прежде слова: «Магнитка. Днепротэс...» От него я узнал впервые, что «Магнитка» — это молодой уральский город Магнитогорск. Там построили мощнейшую домну для выплавки чугуна, а «Днепротэс» — новая гидростанция на Днестре. Она дала электрический ток стране намного раньше, чем намечалось по плану.

Мой отец часто говорил о стройках первой пятилетки. И я помнил, что люди все работали по-ударному, по-социалистически. И отец мой стремился работать так же.

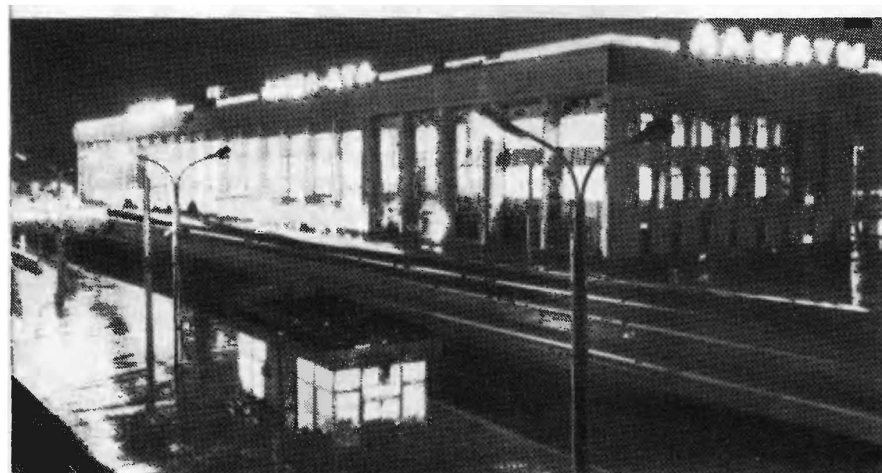
Я достал из книжного ящика стола старую красную папку. Там среди пожелтевших бумаг лежали похвальная грамота отца и мамин значок ударницы труда.

— Отнеси октябрятам, — вручил я грамоту и значок Наташе. — Это теперь документы ис-

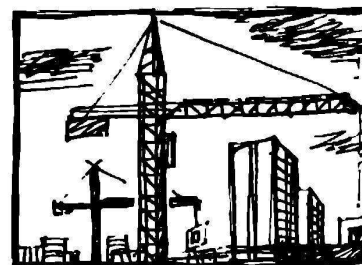
Фотографии из Наташиного альбома

Тяжело было строить Турксиб — первенец советской пятилетки, но как приятно было увидеть потом поезда, бегущие по его рельсам, и сверкающий огнями вокзал в Алма-Ате, крупнейший на этой трассе.

11 августа 1933 года на заводе «Азовсталь» загорелся огонь в крупнейшей домне № 1, домне, на которой недаром написано: «Комсомольская».

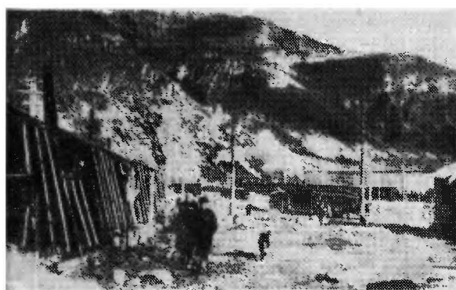
тории. Их нужно бережно собирать и хранить. Их, наверное, мало осталось?..

Но, к счастью, я оказался неправ. Дотошные октябрята разыскали, как говорится, в бабушкиных сундуках десяток таких же грамот и обнаружили немало других ценных вещей.

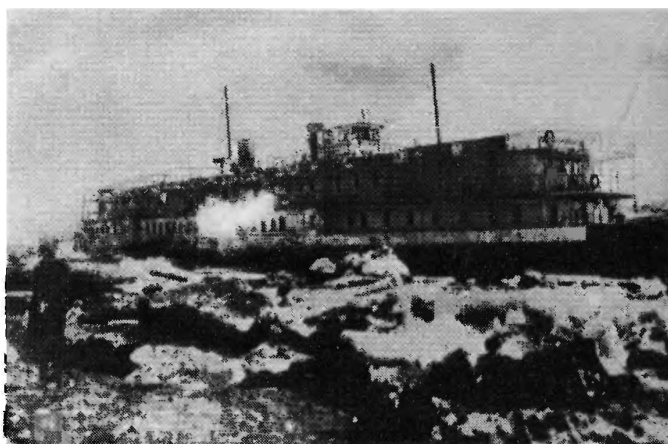
Наташа показала мне картонную карточку-удостоверение пионера Кирилла Шикина, члена общества «Долой неграмотность!». Кирилл Шикин учил неграмотных людей читать и

писать. В удостоверение была вложена фотокарточка. Я увидел на ней старика и старушку за школьной партой. Они низко склонились над тетрадками, скорее всего писали диктант. А перед ними, как заправский учитель, стоял мальчик в пионерском галстуке, Кирилл Шикин.

— Этот снимок, — пояснила Наташа, — принесла Клава Шикина, а Кирилл Шикин — ее дедушка. Таким он был в первую пятилетку.

Так начиналось освоение природных богатств в суровых заполярных Хибинах. А потом здесь вырос первенец советской химической промышленности — объединение «Апатит».

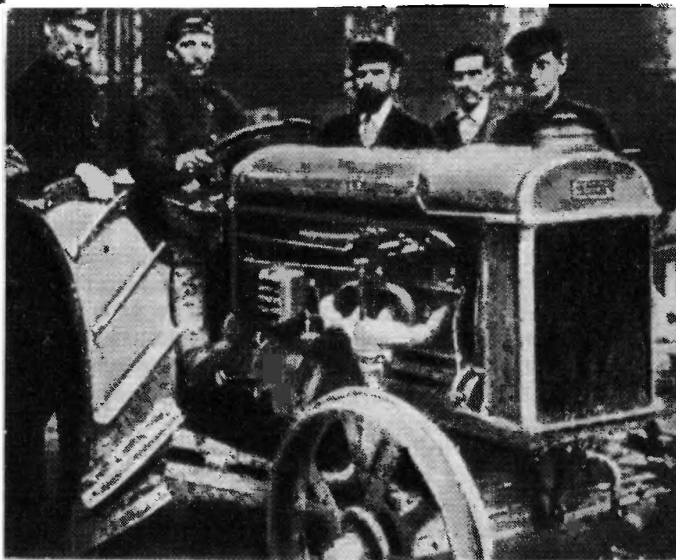

Пассажиры «Колумба» в этом рейсе были первыми строителями Комсомольска-на-Амуре.

Полвека назад в Ленинграде на заводе «Красный путиловец» начали выпускать первые советские тракторы «Фордзон-путиловец». Ныне он называется Кировский завод и производит тракторы, известные во всем мире.

Первую крупную советскую электростанцию — Шатурскую — строила молодежь.

Наташа порылась в портфеле и вынула еще один снимок:

— Это город Комсомольск-на-Амуре, — сказала она.

Я посмотрел на фотографию, но никакого города не увидел. А увидел тайгу.

— Не удивляйся, папа, — предупредила мой вопрос Наташа. — На этом месте в тайге 12 июля 1932 года начали строить город. И сюда, в тайгу, приехали шесть тысяч добровольцев!

Среди них был и дедушка Мити Вострикова. Помнишь, я тебе рассказывала про Митю?

Дедушка подарил Мите этот снимок. И еще у его дедушки сохранилась подушка. На ней он спал, когда строил Комсомольск-на-Амуре. Митя приносил подушку в класс, всем показывал. Подушка старая-старая, и мы сказали, что бы Митя ее обратно отнес.

Подушка никакой исторической ценности не имеет, правда, папа? — заключила Наташа.

— Как знать, — засомневался я. — Хорошо бы поговорить с Митиным дедушкой. Раз хранит он эту подушку столько лет, значит, что-то значительное с ней связано в жизни Митино дедушки, и стала теперь та подушка дорогой реликвией.

— Митя в соседнем доме живет, — сообщила Наташа, — пойдем и поговорим.

Собрали мы Наташиных октябрят и отправились к Востриковым. Раньше, конечно, спросили разрешения.

Константин Пантелеевич Востриков, Митин дедушка, оказался прекрасным рассказчиком. Его рассказ помог октябрятам зажечь на их карте первую звездочку у города Комсомольска-на-Амуре.

Рассказ про пуховую подушку и про тех, кто строил комсомольский город в тайге

Плотник мебельной фабрики Костя Востриков мечтал совершить в жизни что-то небывалое и радостное.

Шагал он однажды по улице и вдруг видит — плакат. Вихрастый паренек на этом плакате зовет комсомольцев-добровольцев на Дальний Восток строить город в тайге.

— Спасибо за приглашение! — обрадовался Костя и по-дружески подмигнул пареньку на плакате. — Поеду!

Мать всплеснула руками:

— Мыслимое ли дело — ехать на край света! Чем тебе дома плохо?

— Дома хорошо, — ответил Костя. — А в тайге город будут строить. Город моей мечты!

— В тайге медведи, — уговаривала мать.

— Я же не один. Комсомольцев-добровольцев тысячи. Одолеем любого медведя!

— А комары? Там их тьма-тьмущая.

— Справимся и с комарами! — не отступал Костя.

— Не храбрись, сынок. Мороз там знаешь какой? До костей добирается, а у тебя валенки худые.

— Залатаю валенки, не беда, мама.

Не удалось матери убедить сына не ехать в тайгу. Сложил Костя в дорожный чемодан мыло, полотенце, зубную щетку.

— Подушку возьми, — посоветовала мать. — Груз не велик, зато будет куда голову приклонить после работы.

— Вот еще! — отмахнулся Костя. — Товарищи засмеют. Скажут: «Доброволец с подушкой»... Нет уж, я лучше топор захвачу.

Не послушал Костя матери и поехал за десять тысяч километров от дома в неведомый край. Без подушки. С топором.

Направили Костю Вострикова вместе с бригадой лесорубов корчевать деревья, готовить

площадку для будущего завода. Хорошо, что догадался с собой топор захватить. Много добровольцев приехало, и на сотню строителей нашлось всего двадцать топоров и пятнадцать пил...

Никто не желал сидеть сложа руки.

— Не для того, — сказали они, — мы изда-лека ехали.

И тогда Костя предложил:

— Тащите с баржи канаты. Будем лесорубами без топора.

— Разве можно без топора?

— Можно! — засмеялся Костя.

И началась работа.

Своим топором Костя Востриков подрубил корни дерева. Соорудил аркан из каната. Размахнулся со всей силой и бросил аркан на дерево, затянул петлю потуже вокруг ствола. Ребята внизу ухватились за конец каната и стали раскачивать дерево. Оно рухнуло.

— Ай да способ! — обрадовались комсомольцы-добровольцы.

Бригаду Кости Вострикова так и называли — «бестопорники». Лишь один бригадир, Костя, работал топором. Остальные тянули канат.

Начальнику строительства понравился Костин способ, и он сказал ему:

— Можешь соседнюю бригаду лесорубов на соревнование вызвать. Они, хотя и с пилами, но до вас им далеко. Пусть подтянутся.

По вечерам, после работы, бригадиры подсчитывали, кто больше деревьев повалил. И каждый раз выходило — побеждала Костина бригада.

В конце месяца начальник строительства вручил «бестопорникам» переходящее Красное знамя.

А Костя между тем часто вспоминал слова матери. Верно она говорила: тайга и на самом деле оказалась суровой. И комары кусали по вечерам. И волки по ночам были зловеще. И медведи вокруг да около бродили. Того и гляди попадешь к ним в лапы. Тайга — глушь, нет вокруг жилья.

Выстроил Костя с товарищами небольшую избушку. Десять человек в ней поселилось. Подушек ни у кого не было, клали под голову пальто или валенки. Эх, жаль не послушался Костя совета матери, не взял с собой подушку.

Спали все на одном боку, плотно прижавшись друг к дружке. Отлежишь бок, а повернуться нельзя — товарища разбудишь.

Дежурный, бывало, командовал: «С левого бока на правый повернись!» И все дружно поворачивались.

Особенно плохо стало, когда морозы ударили. Бураны буйствовали так, что носа на улицу не покажешь. Дороги позамело. Продрогшие и голодные лесорубы неделями ждали, когда из города привезут хлеб и другие продукты. В такую погоду через тайгу не прорвешься. Вездеходных машин тогда не было еще, ездили на лошадях.

От недостатка еды некоторые болели страш-